

УДК 811.161.1'38:342.56
ББК Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

С. О. Гуляйкина
Т. В. Дубровская
Н. С. Данкова
Пенза, Россия

S. O. Gulyaykina
T. V. Dubrovskaya
N. S. Dankova
Penza, Russia

**МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕДИЙНЫХ
СТРАТЕГИЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ
ВЛАСТИ (на материале СМИ Пензенской области)**

**MANIPULATIVE POTENTIAL
OF MEDIA STRATEGIES
IN JUDICIAL POWER REPRESENTATION (based on
mass media texts of Penza Oblast')**

Аннотация. Рассматривается манипулятивный потенциал лингвистических средств, представленных в медийных стратегиях. Критический дискурсивный анализ статей региональных СМИ на тему законной постройки жилых домов позволил выявить ряд стратегий, способствующих созданию как положительного, так и отрицательного имиджа судебной власти. Манипулятивные стратегии характерны и для изданий, относимых к «качественной» журналистике, и для таблоидов. Подробно описаны такие стратегии, как оценочная, эмоционализации, а также пассивации и активации.

Abstract. The article covers linguistic means with manipulative potential presented in media strategies. Critical Discourse Analysis applied in the study of the local media articles on the legitimacy of housing construction allows for defining strategies that contribute to positive as well as negative representation of the judiciary. The strategies of evaluation, emotional presentation, passivization and activation are described in detail.

Ключевые слова: манипулятивный; лингвистические средства; стратегии; СМИ; статья; законный; постройка; положительный; отрицательный; имидж; репрезентация.

Key words: manipulative; linguistic means; strategies; mass media; article; legal; construction; positive; negative; image; representation.

Сведения об авторе: Гуляйкина Светлана Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык».

About the author: Gulyaykina, Svetlana Olegovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, 8-й корп., к. 8-810.
e-mail: gulyaykina@list.ru

Сведения об авторе: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой «Английский язык».

About the author: Dubrovskaya Tatiana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of English.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, 8-й корп., к. 8-810.
e-mail: gynergy74@gmail.com

Сведения об авторе: Данкова Наталья Станиславовна, старший преподаватель кафедры «Английский язык», аспирант по специальности «Теория языка».

About the author: Dankova Natalia Stanislavovna, Senior Lecturer of Department of English, Post-graduate Student in Language Theory

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, 8-й корп., к. 8-810.
e-mail: natasha-antivirus@mail.ru

Статья является частью научного исследования в рамках проекта (поддержанный РГНФ научный проект №14-14-58002 «Дискурсивное конструирование имиджа судебной власти в региональных средствах массовой информации (на примере Пензенской области)»), основная цель которого состоит в верификации гипотезы о зависимости общественного мнения о судебной власти от доминирующих в СМИ репрезентаций института правосудия. Сложившаяся в современном российском обществе ситуация, связанная с восприятием института судебной власти и правосудия, противоречива и, несомненно, требует детального рассмотрения. Проблема имиджа судебной

власти исследуется в данной статье сквозь призму журналистского текста, который представляет собой систему, где все элементы взаимосвязаны, а имидж одного социального агента определяет имидж другого социального агента.

Предпринятый нами анализ текстов пензенских СМИ методом критического анализа дискурса позволил выявить не только типичные стратегии репрезентации судебной власти, но и способы реализации их манипулятивного потенциала. Статья представляет собой кейс-стади, содержащий прагмалингвистический анализ двух публикаций на актуальную для Пензы тему незаконной постройки много-

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-58002 «Дискурсивное конструирование имиджа судебной власти в региональных средствах массовой информации (на примере Пензенской области)».

© Гуляйкина С. О., Дубровская Т. В., Данкова Н. С., 2014

квартирных домов. Одна из них, под названием *Пензу захлестнула волна самостроев*, размещена на сайте проправительственного портала издательского центра «Пензенская правда» (pravda-news.ru) 6 августа 2013 г. (далее — статья 1), вторая — *Как и зачем в Пензе «убивают» застройщиков жилья эконом-класса* — опубликована в пензенской независимой газете «Улица Московская» от 13 августа 2013 г. (далее — статья 2).

Представляется, что первая публикация является образцом так называемой «качественной журналистики», тогда как вторая в большей степени наделена свойствами таблоида. Термином «качественная журналистика» (quality journalism) традиционно обозначают «серьезные и надежные источники информирования, в которых эмоции сведены к минимуму, а граница между фактом и мнением проведена достаточно четко» [Molek-Kozakowska 2012: 237] (здесь и далее перевод с английского наш. — С. Г., Т. Д., Н. Д.). Подобные средства массовой информации довольно часто представляются проправительственными изданиями и нередко противопоставляются таблоидам и другой несерьезной прессе.

Несмотря на существующее противопоставление качественной прессы и таблоидов по принципу «объективность — необъективность», считаем важным отметить, что для качественных изданий далеко не всегда характерна стопроцентная объективность. Так, Дж. Ричардсон отмечает, что объективность — всего лишь практика написания текста, а не определяющее свойство качественной журналистики, которая даже в случае сообщения новостей полагается на оценочные суждения на каждом этапе подготовки новостного блока: начиная от сбора новостной информации, ее сортировки, написания новостей, издания и заканчивая их представлением [Richardson 2007: 86 — 88].

В качественной журналистике предлагаемый контент определяется тем или иным жанром: интервью, выступление от первого лица, обзор фактов/новостей и т. п. Основная задача журналиста качественного издания — объективно представить информацию для того, чтобы читатель самостоятельно сделал вывод и составил собственное мнение о прочитанном. В то же время задачей любых СМИ является воздействие на аудиторию. Как замечает А. В. Полонский, массмедиа «не просто присутствуют в жизни общества, <...> не просто являются обязательным компонентом социальной среды, <...> а стали ключевым, статусным контекстом, где обретают свои культурные и идеологические формы все социальные процессы, где разрабатываются актуальные модели социальной идентичности, где определяется характер доминантных смысловых и идеологических векторов общественного сознания» [Полонский 2014: 111].

Авторы рассматриваемых публикаций занимают четкие идеологически различные позиции по вопросу самостроев. Первая публикация представляет собой краткий, длиной в одну страницу, обзор ситуации, сложившейся в городе Пенза в связи с судебными разбирательствами о признании незаконными строениями уже возведенных многоквартирных домов. Позиция автора, пожалуй, наилучшим образом характеризуется выражением *Dura lex, sed lex*. Вынесенное судом решение о сносе дома должно быть выполнено, поскольку невыполнение судебных решений подрывает авторитет закона. Вторая публикация — довольно объемная статья (6,5 страниц), которая представляет собой рассказ застройщика, признанного виновным в незаконном возведении жилого здания. Ее автор принимает сторону застройщика, сочувствует ему, объясняет и комментирует его действия, доводя до сведения читателей, почему некоторые из предпринятых застройщиком шагов оказались незаконными.

Для воздействия на массовое сознание СМИ применяют избранные ими языковые приемы, такие как повтор, риторический вопрос, высказывания обобщенно-личного характера и др. Данные приемы применяются журналистами в рамках различных стратегий. Стратегия трактуется нами вслед за Н. Рейзигл и Р. Водак как «более или менее точный план намеренной деятельности (включая дискурсивную деятельность), направленный на достижение определенной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak 2001: 44].

Стратегия, направленная на формирование определенного (нужного автору) мнения адресата с привлечением таких приемов, как сокрытие информации, предоставление неполной информации, замена понятий иноязычными или другими непонятными читателю терминами, определяется психолингвистами как «манипулятивная». Зарубежные (например, С. Хассен [Хассен 2001], Р. Чалдини [Чалдини 2001] и др.) и отечественные (например, Е. Л. Доценко [Доценко 2000], С. Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2001] и др.) исследователи манипуляции неоднократно отмечали, что инструментами манипулирования являются слова. Однако одно отдельно произнесенное или написанное слово далеко не всегда раскрывает свое полное значение. Полностью слово раскрывается в контексте. Поскольку мысли реализуются в речи посредством высказываний, а не отдельно взятых слов, то считаем целесообразным в речевых манипуляциях за единицу анализа принять высказывание, выражающее законченную мысль. Слова, придающие высказыванию определенный стилистический оттенок, будем считать элементами, образующими речевую единицу.

Рассматривая изучаемые статьи на лексическом уровне (т. е. на уровне элементов вы-

сказывания), отметим, что лексика, выбранная автором статьи 1, носит нейтральный безоценочный характер и включает единицы официально-делового стиля: *рассмотрено дело, вынести решение, исполнительные листы, иск администрации, авторитет закона, от лица государства* и т. п. Автор юридически грамотно употребляет специализированную лексику и производит впечатление достаточно компетентного в освещаемой сфере журналиста, например:

(1) *С момента, как истец отправляет исполнительный лист в службу судебных приставов, собственнику (застройщику) закон дает пять дней, чтобы осуществить снос в добровольном порядке* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Подбор лексики автором статьи 2 продиктован стремлением создать впечатление живого, откровенного разговора с застройщиком и тем самым сблизить его с читателем. Поскольку статья довольно объемна, автор разделил ее на несколько частей, каждая из которых имеет свое название. Стоит отметить, что «оценки, содержащиеся в заголовках публикаций, как положительные, так и отрицательные, не только выражают мнение автора, но и способствуют формированию подобного мнения <...> у читательской аудитории» [Дубровская 2008: 75]. Такие подзаголовки, как *Освоение целины, Как строилась дорога жизни, Как за ними надзирали, Косвенные доказательства, Заказчики и мотивы* и т. п., несомненно, далеки от нейтрального стиля и содержат определенную оценку. Коннотативное значение слова *целина* включает понятие тяжелого труда и, как следствие, словосочетание *освоение целины* производит впечатление непосильной работы, проделанной застройщиком на начальном этапе строительства. Глагол *надзирать* обладает явно выраженной отрицательной оценкой (ср. с нейтральным *наблюдать*). Употребление существительных *заказчики* и *мотивы* способствует погружению читателя в атмосферу проведения настоящего расследования по делу под названием «Как и зачем в Пензе „убивают“ застройщиков жилья эконом-класса».

При написании статьи 2 автором также неоднократно используется такая оценочная лексика, как *(по) непонятным (причинам), шантажировать, дешевый (шантаж)* и т. п. С целью создания впечатления неформального разговора между застройщиком и читателем журналист употребляет ряд сниженных (разговорных) лексических единиц и фразеологизмов: *(цены) скакнули, (был) ошарашен, (проезжала) своим ходом, дали отмашку, повелся на обещания, (я) не с Луны свалился* и т. п., например:

(2) *Это было связано с тем, что за 2 года цены сильно скакнули, и я не мог достроить дом по тем деньгам, которые*

в свое время вносили граждане («Улица Московская». 13.08.2013).

(3) *Я был ошарашен. И сначала подумал, что она несерьезно говорит про снос дома. Мало ли — к слову пришлось* (Там же).

Такой прием служит созданию близости с читателем: застройщик — такой же человек, как и все, его поступки просты и понятны, любой на его месте поступил бы так же.

Обратим внимание на выбранную журналистами синтаксическую организацию текстов статей. Большинство предложений из статьи 1 построено по принципу прямого порядка слов, например:

(4) *При этом Фемида давно вынесла решения о сносе многих самовольных построек, исполнительные листы переданы службе судебных приставов* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

С целью привлечения внимания к тому или иному факту автор ставит на первое место дополнение или обстоятельство, например:

(5) *В 48 случаях суд вынес решение о сносе* (pravda-news.ru 06.08.2013).

Продемонстрированный журналистский прием не носит манипулятивного характера, поскольку в данных фразах отсутствует сокрытие авторских намерений или предоставление неполной информации. Автор лишь выносит на первый план то, что считает наиболее важным для раскрытия обозначенной темы. Подобным речевым приемом пользуются как журналисты качественной прессы, так и простые обыватели в повседневном общении.

Автор статьи 2 чаще прибегает к использованию инверсионного порядка слов в предложении, в котором сначала сообщается действие, а затем называется лицо, отвечающее за его осуществление. Рассмотрим следующий фрагмент, взятый из статьи 2:

(6) *Началось возведение второго дома. <...> А вот когда началось возведение фундамента под второй многоквартирный дом, эта единственная дорога оказалась перекрыта. <...> Началось разбирательство. <...> Началась серия проверок по факту обращения* («Улица Московская». 13.08.2013).

Намеренный повтор глагола-сказуемого *начаться*, поставленного автором в начало каждого предложения, способствует формированию впечатления того, что *начаться* в городе может что угодно: от строительства нового дома до проверок прокуратуры и администрации.

Обратим внимание на такой синтаксический аспект, как количество главных членов в предложении. Текст статьи 2 избилует односоставными предложениями, которые — в отличие от двусоставных — предоставляют адресату возможность восстановить отсутствующий член предложения. В рассматриваемой статье присутствуют такие виды односоставных синтаксических конструкций, как назывные (*Какой большой дом!*), обобщенно-личные (*В частном секторе обычно сначала строят,*

а потом узаконивают), определенно-личные (Да ведь на этой земле всё равно ничего не построишь...), неопределенно-личные (Тем более мне в частной беседе сказали, что...) и безличные (Третий подъезд тоже строить нельзя). Такие типы предложений, несомненно, обладают большим манипулятивным потенциалом, поскольку адресату приходится самому домысливать или выводить из контекста, какое лицо совершило то или иное действие. Сравним фрагменты двух статей:

(7) Алексей Шишкин считает, что только неуклонное следование букве закона может остановить волну самостроев. Иначе люди, надеясь, что застройщик как-нибудь с кем-нибудь „договориться“, так и будут покупать квартиры в подобных домах. Ведь они стоят дешевле (pravda-news.ru. 06.08.2013);

(8) Меня выслушали и сказали, что паспорт оформят потом. <...> Для соблюдения формальностей нам выписали постановление о штрафе физического лица на 2000 руб., мы сходили и оплатили. Никаких предписаний о запрете этого строительства не выносились («Улица Московская». 13.08.2013).

Автор первой статьи строит предложения предельно ясно, так, что они не допускают двойного толкования: указываются лицо и совершаемые им действия. Все предложения цитируемого абзаца являются двусоставными. Во второй статье неопределенно-личные конструкции со сказуемыми *выслушали* и *сказали*, *оформят*, *выписали* противопоставляются нераспространенному двусоставному предложению *мы сходили и оплатили*, за счет чего создается впечатление полного бесправия нас и абсолютной власти и могущества их. В силу отсутствия конкретных существительных читатель вынужден самостоятельно домыслить, кто именно выслушал застройщика, оформил техпаспорт, выписал штраф и т. д. Судя по содержанию статьи, такими лицами являлись и сотрудники БТИ, и сотрудники Госжилстройтехинспекции, и все остальные, кто так или иначе, по мнению автора и рассказчика, препятствовал постройке дома.

Безличные конструкции (например, *не выносилось* из приведенного выше фрагмента), на наш взгляд, служат той же цели: сокрытие субъекта действия привносит некоторую туманность и размытость в повествование, позволяет делать произвольные толкования. Поскольку лицо не определено, то им может быть кто угодно. Пытаясь установить таинственную личность, адресат неизменно обращается к контексту, из которого вновь следует, что таинственным субъектом указанных действий являются препятствующие строительству представители городской администрации или других муниципальных структур.

Изучение текстов СМИ, так или иначе конструирующих имидж судебной власти, позволило выделить несколько стратегий, использо-

вание которых способствует созданию как положительного, так и отрицательного представления об институте правосудия. Принимая во внимание исследования, посвященные дискурсивным стратегиям в медийных текстах [van Leeuwen 2003; Sowińska, Dubrovskaya 2012], считаем возможным выделить такие стратегии, как оценочная стратегия, эмоционализация, активация и пассивация.

ОЦЕНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ

Рассмотрим изучаемые статьи с точки зрения реализации в них оценочной стратегии, которая воплощается в основном в единицах лексического уровня.

Как отмечалось ранее, автором статьи 1 в целом используется нейтральная лексика с профессиональным юридическим уклоном в соответствии с требованиями выбранного жанра статьи. Тем не менее обратим внимание на наличие таких оценочных определений, как *грустный*, *обманутый*, *злополучный* и других, например:

(9) Но в этих грустных историях о домах и обманутых дольщиках не видно конца (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Сочетание в одном предложении негативно окрашенных прилагательных *грустный* и *обманутый* рисует в воображении читателя портрет несчастного покупателя дешевого жилья. Складывается впечатление, что и сам автор сочувствует обманутым гражданам. Однако его идеологическая позиция довольно четко продемонстрирована посредством другого определения в следующем авторском комментарии, включенном в текст статьи 1:

(10) Показательного сноса мы не видели ни одного. — Авт. (pravda-news.ru. 06.08.2013).

По мнению автора, показательный снос незаконной постройки мог бы послужить наглядным примером другим недобросовестным застройщикам. Выбор глаголов журналистом также неслучаен. Употребление глагола *миндальничать* с негативным коннотативным значением способствуют созданию впечатления о вседозволенности застройщиков:

(11) А может, хватит миндальничать с застройщиками? (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Положительная оценка действий судебной власти в данной статье создается посредством употребления следующих предикатных единиц: *вынести решения*, *действовать строго по закону*, *нести ответственность* и др. Некоторые из перечисленных предикатов взяты из прямой речи самих судей, что призвано усилить веру читателя в эффективность работы судебной системы, например:

(12) Председатель областного суда Алексей Шишкин подвел итог: <...> Но судья действует строго по закону, а эмоции оставляет за дверью“. Если поступать по-другому, наступит хаос (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что автор статьи «Пензу захлестнула

волна самостроев», придерживаясь нейтрального публицистического стиля и грамотно употребляя юридическую лексику, умело создает имидж судьи как слуги закона, на фоне которого застройщики выглядят явными правонарушителями.

В оппозиционной «Улице Московской» судейский корпус представлен врагом застройщика, причем последнему явно симпатизирует сам автор статьи *Как и зачем в Пензе «убивают» застройщиков жилья эконом-класса*. Обратит внимание на глагол-сказуемое *убивают*, употребленный автором в названии статьи. Негативная оценка института правосудия осуществляется автором не только посредством реализации коннотативного значения глагола *убивать* в речи, но и путем метафоричного употребления его в данной фразе: признание застройщика виновным приравнивается к его убийству. В статье довольно многочисленна оценочная лексика, представленная различными частями речи, например:

(13) *Эти участки продавались всеми подряд* («Улица Московская». 13.08.2013).

(14) *По каким-то непонятным причинам Администрация г. Пензы, продавая землю с торгов, совсем забыла про асфальтированную дорогу, которая проходила по этой земле к старому двухэтажному дому* («Улица Московская». 13.08.2013).

В первом примере местоимение *все* усилено наречием *подряд*, что создает впечатление полного попустительства со стороны властей на этапе деления земли под застройку. Прилагательное *непонятные* в сочетании с местоимением *какие-то* служит созданию впечатления того, что Администрация *совсем* «забыла» про дорогу по вполне понятным причинам. Так, слово за словом, автор статьи 2 создает довольно внушительную «доказательную базу», на основании которой делает следующий вывод в конце статьи:

(15) *Неудивительно, что 16 апреля 2013 г. мы проиграли апелляцию в Пензенском областном суде: он постановил снести весь наш дом, состоящий из трех подъездов* («Улица Московская». 13.08.2013).

Наречие *неудивительно*, употребленное в функции обстоятельства, наилучшим образом, на наш взгляд, передает авторскую оценку работы судей и одновременно способствует созданию отрицательного имиджа судебной власти.

СТРАТЕГИЯ ЭМОЦИОНАЛИЗАЦИИ

При изучении текстов статей нами были выявлены лингвистические средства, формирующие стратегию эмоционализации, посредством которой автор указывает на переживание эмоций агентами событий. Эмоционально насыщенный текст, как правило, привлекает внимание читателя, а герой, демонстрирующий свои чувства и эмоции, становится более по-

нятым читательской аудитории, нередко вызывая симпатию.

Автор статьи 1 приводит ряд высказываний опрашиваемых им официальных лиц, чьи эмоции по поводу самостроев находят свое отражение как интонационно (в тексте — посредством восклицательного знака), так и лексически. Проанализируем следующие отрывки:

(16) *В 48 случаях суд вынес решение о сносе, — говорит заместитель председателя областного суда по гражданским делам Татьяна Серикова. — А заявлений о выдаче исполнительного листа поступило только 23!* (pravda-news.ru. 06.08.2013)

(17) *Председатель областного суда Алексей Шишкин подвел итог: <...> Можете себе представить, чтобы он [водитель, сбивший ребенка] ущерб не возместил и в колонию не пошел? Думаете, мне не жаль людей, которые купили квартиры в таких домах?* (pravda-news.ru. 06.08.2013)

Негодование заместителя председателя Сериковой по поводу малого числа сносов незаконных домов выражено в восклицательном предложении, в начале которого употреблена усиливающая противопоставление частица *а*, что способствует созданию в данном контексте большего контраста между количеством судебных решений и реальным количеством их исполнений. Риторические вопросы, заданные председателем Шишкиным, адресованы каждому читателю и содержат довольно прозрачный ответ. Прямое указание на эмоции самого судьи *мне жаль*, несомненно, сближает его с аудиторией и вызывает симпатию со стороны читателей.

Так автором статьи 1 умело создан положительный образ судебной власти: судьи не только продуктивно работают (пример 16), но и обладают понятными простому обывателю чувствами и эмоциями (пример 17).

Автор статьи 2 прибегает к использованию стратегии эмоционализации для создания образа полной беспомощности застройщика перед властью и судом. Рассмотрим, каким образом автор описывает встречу застройщика и представителей администрации по поводу подписания мирового досудебного соглашения:

(18) *Когда я туда зашел, глаза разбежались: повсюду были телекамеры и журналисты. Это была полнейшая неожиданность для меня* («Улица Московская». 13.08.2013).

Эмоциональное волнение рассказчика передано при помощи наречия *повсюду*, превосходной степени прилагательного *полнейшая* и фразеологического оборота *глаза разбежались*. Автор тем самым сближает «обманутого» застройщика с читателем, способным переживать аналогичные эмоции и испытывать похожие чувства.

В качестве эмоционально окрашенных можно привести, например, такие глаголы, как

ошалеть, обнаглеть и т. д., а также сочетания типа *перевернуть с ног на голову, говорить сквозь зубы* и др.:

(19) *Я слегка ошалел от услышанного* («Улица Московская». 13.08.2013).

(20) *Она говорила со мной сквозь зубы* («Улица Московская». 13.08.2013).

Хотя первое судебное заседание окончилось победой застройщика (Первомайский районный суд г. Пензы отказал Администрации г. Пензы в сносе), апелляция в Пензенском областном суде была проиграна:

(21) *Неудивительно, что 16 апреля 2013г. мы проиграли апелляцию в Пензенском областном суде: он постановил снести весь наш дом, состоящий из трех подъездов* («Улица Московская». 13.08.2013).

Негативная оценка, наполняющая наречие *неудивительно*, способствует созданию отрицательного имиджа судебной власти, представленной врагом застройщика в статье 2.

СТРАТЕГИЯ АКТИВАЦИИ И ПАССИВАЦИИ

Стратегии активации и пассивации рассматриваются нами как одна стратегия в силу тесной взаимосвязи явлений активации и пассивации. По словам Т. ван Льюэна, активация наблюдается тогда, когда социальные агенты представлены активными, динамично выполняющими какие-либо действия [van Leeuwen 2003: 43]. При пассивации социальные агенты претерпевают какие-либо виды деятельности со стороны других агентов или отказываются от начатых ими действий. Иногда социальный агент становится не объектом, а жертвой чьих-либо действий.

Наиболее ярким примером активации в статье 1 нам представляется следующий отрывок:

(22) *Дома, заявленные как индивидуальные коттеджи, без всяких проектов превращаются в многоэтажки. Растут „коробки“, которые по техническим условиям невозможно подключить к централизованному водопроводу, газовой трубе, канализации. Незаконные дома вымахали на улицах Боровиковского, Гоголя, Подольской...* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Дома представлены автором настоящими живыми организмами, способными самостоятельно расти, заполнять улицы и т. п. Такая метафора, сопровождающаяся градацией *превращаются — растут — вымахали*, усиливает впечатление быстрого роста строящихся домов.

В следующем отрывке стратегии активации и пассивации следуют друг за другом, причем активными агентами представляются застройщики, а пассивным — судейский корпус:

(23) *По мнению Татьяны Ивановны, такие случаи подрывают авторитет закона. Решение от лица государства вынесено, и его необходимо исполнять* (pravda-news.ru. 06.08.2013).

Выражая обеспокоенность растущим количеством самостроев и неспособностью государства справиться с этим ростом, автор статьи 1 подчеркивает необходимость соблюдения закона и наказания тех, кто «подрывает» его авторитет.

Приводимые ниже отрывки из статьи 2, на наш взгляд, могут служить примерами реализации стратегии пассивации (пример 24) и активации (пример 25):

(24) *Летом 2011г. стройка двух многоквартирных домов была заморожена, 6 месяцев там никто не работал* («Улица Московская». 13.08.2013).

(25) *Я принял решение вложить деньги в эти объекты. Я пришел в декабре 2011г.: специально для этого мы создали компанию „Экономстройсервис“. На объектах тут же начались строительные работы* («Улица Московская». 13.08.2013).

В первом отрывке глагол-предикат *заморозить* употреблен в форме пассивного залога; отрицательная форма глагола *работать* усилена местоимением *никто*. Данные приемы служат одной цели — продемонстрировать отсутствие движения в строительстве в результате отсутствия хозяина-застройщика. С появлением застройщика, как следует из второго примера, решения принимаются, компании создаются, строительные работы тут же начинаются. Принимая во внимание контекст статьи 2, отметим, что данные и другие лингвистические приемы способствуют созданию впечатления искусственного сдерживания деятельности застройщика, полного сил и желаний строить доступные дома экономкласса.

При рассмотрении указанных стратегий стоит отметить, что они нередко взаимодействуют и дополняют друг друга, например:

(26) *Я считаю, ведется борьба с застройщиками жилья эконом-класса в угоду крупным застройщикам. Сейчас этот рынок в Пензе практически умер. По моим оценкам, его реально убили Чернов и Кипурова* («Улица Московская». 13.08.2013).

В данном примере автор приводит такие негативно окрашенные глаголы, как *умер* и *убили*, причем каждый из них усилен наречием *практически* и *реально* соответственно. Подобная лексика образует оценочную стратегию. В то же время глагольные сочетания *ведется борьба*, *реально убили* составляют стратегию активации. Администрация города Пенза и суд, вставший на защиту чиновников, несомненно, представляются автору статьи 2 врагами, лишаящими застройщика не только возможности строить недвижимость, но и какого-либо желания заниматься строительством.

Подводя итог проведенного нами кейс-анализа, обратим внимание на тот факт, что манипулятивный потенциал заложен в тексте самой природой языка: язык предоставляет возможности утаивания информации, сокрытия

намерений, додумывания контекста и т. д. Подобные приемы используются как журналистами таблоидов, так и представителями качественной журналистики. В нашем случае характеристиками таблоида в большей степени наделена статья 2, поскольку ее автор руководствуется желанием воздействовать на чувственно-эмоциональную сферу читательской аудитории при изложении своей точки зрения по проблеме строительства домов экономкласса.

Поскольку указанные выше лингвистические приемы употребляются авторами статей неоднократно и несомненно преследуют цель создать определенный имидж, мы вправе говорить о наличии лингвистических стратегий. В статье рассмотрены оценочная стратегия, стратегия эмоционализации и стратегия активации и пассивации. Использование авторами эмоционально окрашенных лексических единиц, слов сниженного (разговорного) стиля, оценочной лексики способствует формированию ненейтральных предложений-высказываний, образующих нужный автору контекст. Так стратегически грамотно сформированный контекст образует тот или иной имидж судебной власти в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М. : ЧеРо ; Изд-во МГУ, 2000.
2. Дубровская Т. В. Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. рег. Гуманитарные науки. 2008. № 3 (7). С. 72—81.
3. Дубровская Т. В., Гуляйкина С. О. О роли печатных СМИ в создании имиджа российской судебной власти // Язык. Право. Общество : сб. ст. Всерос. на-

уч.-практ. конф. (г. Пенза, 23—24 апр. 2013 г.) / под ред. канд. филол. наук О. В. Барабаш, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2013. С. 118—124.

4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. — М. : Алгоритм, 2001.

5. Полонский А. В. Массмедийность как категория дискурса и текста // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : 1 Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, БелГУ, 1—4 апр. 2014 г.) : сб. науч. работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. — Белгород : Константа, 2014. С. 110—122.

6. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.

7. Чалдини Р. Психология влияния. — СПб. : Питер, 2001.

8. Leeuwen van T. The representation of social actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Caldas-Coulthard C. R., Coulthard M. (eds). — London : Routledge, 2003. P. 32—70.

9. Molek-Kozakowska K. Tracing tabloidization: A comparative analysis of rhetorical styles in quality and tabloid newspapers // Exploring Language Through Contrast. — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publ., 2012. P. 236—251.

10. Reisigl N., Wodak R. Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Antisemitism. — London : Routledge, 2001.

11. Richardson J. Analysing newspapers. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007.

12. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US anti-ballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers // Exploring Language Through Contrast. — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publ., 2012. P. 268—287.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. С. Круглова.